

УДК 94(470.45)«1944-1945»
DOI 10.26456/vthistory/2023.3.022–033

УНИВЕРСИТЕТЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА И СМОЛЕНСКОГО ПЕДИНСТИТУТА НА ПУТЯХ ПОБЕДЫ 1944–1945 ГОДОВ ¹

М.В. Каиль

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»,
г. Смоленск, Россия

В статье на основе материалов Архива Московского государственного университета представлена реконструкция социальных реалий деятельности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова после возвращения вуза из эвакуации в Ашхабад и Свердловск (1944–1945 гг.) и подшефного МГУ регионального образовательного центра – Смоленского государственного педагогического института. В центре внимания автора – перезапуск университета на путях к великой победе, решение инфраструктурных и социальных вопросов, режим и порядок деятельности, социальные характеристики структур университетского центра, студенчества военной поры, а также участие МГУ в реконструкции подшефных вузов. Социальная история образовательного центра в обстоятельствах небывалой войны – еще одна грань в изучении и осмыслении значения Великой Отечественной войны в национальной истории, истории высшего образования.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Смоленский педагогический институт, высшее образование, социальная история, преподаватели, кадры, управление.

Великая Отечественная война изменила жизнь страны, отразившись на всех ее сторонах, затронув каждую семью. Сфера высшего образования не была исключением. Прямо накануне нападения Германии в Советском Союзе шли выпускные вечера и завершились сессии в большинстве вузов. В западных регионах РСФСР и центральной России нормальное функционирование вузов было прервано уже в первые дни войны, с первыми авианалётами и стремительным наступлением врага. Ещё до мобилизации ряд преподавателей и студентов становились ополченцами, направлялись партийным и советским руководством, ректоратами на те или иные работы или обеспечивали первые эвакуационные мероприятия.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке фонда «История Отечества».

В рамках данного исследования ставится задача рассмотреть обстоятельства работы в военный период МГУ им. М.В. Ломоносова и небольшого регионального вуза, социально-исторические реалии их деятельности. Особенности образовательной сети в СССР связали два разноформатных учреждения образования как на этапе основания вуза в Смоленске, так и в контексте военных событий, когда МГУ стал шефом восстановления Смоленского государственного педагогического института (далее – СГПИ), пережившего разрушение, гибель научных и библиотечных фондов, острый кадровый голод и инфраструктурные ограничения. Исторические обстоятельства изучаемого периода фиксируются в достаточно репрезентативных и хорошо сохранившихся фондах Архива МГУ, что восполняет острый дефицит источников по истории СГПИ, лишившегося своего довоенного архива.

В западную Смоленскую область война пришла уже в последние дни июня 1941 г.: студенты и преподаватели СГПИ отправились на рытье окопов в Краснинский район под Смоленском. Первые дни войны стали для прифронтового Смоленска тяжёлыми. Выпуск в СГПИ не состоялся – шла весенняя сессия, выпуск медиков (СГМИ) проходил после разрушительной бомбардировки города 28 июня². Смоленск к началу 1940-х гг. представлял собой поистине университетский город: в городской социальной инфраструктуре заметное место занимали десяток общежитий двух вузов (имеющих общее основание) в различных частях города, рассеянные по городу столовые, банно-прачечные объекты, клубы. Если СГПИ встретил 1941 г. в одном учебном корпусе на ул. Пржевальского (Университетской) и шести общежитиях в нескольких локациях, то СГМИ имел новое специально построенное здание с учебно-лабораторной базой и несколько общежитий, в том числе новопостроенное в районе Рославльского шоссе³. Большинство объектов этой развитой инфраструктуры будет утрачено в годы войны, как в период штурмов и оккупации, так и от авианалетов, совершаемых фашистами на уже освобождённый от оккупации Смоленск.

Помимо материальных ценностей, зданий и сооружений, война повлекла утрату уникального культурного фонда. В основанном в 1918 г. Смоленском госуниверситете (в 1930 г. он разделился на два самостоятельных, медицинский и педагогический, института) к 1920 г. была создана научная библиотека, сконцентрировавшая свыше 215 тыс. томов изданий, часть из которых характеризовались как уникальные. Она была сформирована из библиотек дворянских усадеб Смоленской губернии, таких как Вонлярово и Дугино. При всём революционном настрое даже «непрофильные» фонды из книг по богословию сохранялись и были научно обработаны. К работе в этой уникальной библиотеке привлекали лучших представителей смоленской интеллигенции. Так, известно, что в начале 1920-х гг. сотрудником библиотеки был

---

² Смоленский государственный медицинский институт (1920–1970). Исторический очерк. Смоленск, 1970. С. 112.

³ Смоленский государственный педагогический институт имени К. Маркса. 1918–1968 / под ред. А.А. Кондрашенкова. Смоленск, 1968. С. 37.

смоленский градский благочинный, духовник смоленской профессуры протоиерей Петр Чельцов (1887–1972). Библиотека была столь крупной и значимой в республиканском масштабе, что её штат в пору каталогизации и научной обработки, продолжавшейся до 1923 г., составлял 35 человек. С 1925 г. библиотека приобрела право получения обязательного экземпляра из коллектора Центральной книжной палаты⁴.

Смоленская область, как и другие западные регионы, первыми попавшие под удар нацистов, не имела возможности провести эвакуацию. Библиотека СГПИ–СГМИ, остававшаяся общей и после разделения вузов в 1930 г. оказалась в руках оккупантов, была вывезена и рассеяна (известно, что удалось вывезти в Саратов лишь около 400 экз. уникальных изданий библиотеки СГМИ).

Несмотря на то что СГПИ сохранил после разделения большую часть инфраструктуры, помещений в единственном учебном корпусе не хватало, до 1936/37 учебного года занятия шли в две смены и лишь завершённая надстройка четвёртого этажа в историческом здании на Университетской улице позволила ввести одну смену. К 1939 г. институт обладал шестью общежитиями вместительностью свыше 1600 мест; в зданиях имелись буфеты и читальные залы⁵.

Война прервала развитие высших учебных заведений Смоленска. Уже с 10 июля развернулось одно из первых масштабных сражений первого этапа войны – Смоленское, через 10 дней образовался Смоленский котел и наступила самая тяжелая для советских войск ситуация, 16 июля первые немецкие соединения вошли в Смоленск, который продолжал сопротивление на протяжении двух недель.

С 30 сентября началась битва за Москву, 15 октября Государственный Комитет обороны СССР принял решение об эвакуации Москвы. На следующий день она фактически началась (в Горький, Куйбышев, Саратов, Молотов и другие города) – были эвакуированы управление Генштаба, военные академии, наркоматы и другие учреждения, осуществлялось минирование объектов городской инфраструктуры.

С 1941 г. проректором МГУ был Борис Павлович Орлов (1892–1967). В критический момент, 16 октября, он был назначен исполняющим обязанности ректора университета и оставался в Москве, при этом на него легла вся ответственность за организацию эвакуации. Базой для неё должен был стать Ашхабадский пединститут. В этот же день ректор записал: «Вышли пешим порядком индивидуально и самодеятельными группами несколько сотен человек (до 1000) научных работников, сотрудников и студентов, часть которых впоследствии добралась до Ашхабада, но в значительной мере осела в районах Поволжья и в местах, куда были ранее с эшелонами

⁴ Смоленский государственный медицинский институт (1920–1970). С. 188.

⁵ Смоленский государственный педагогический институт имени К. Маркса. С. 37–38.

эвакуированы семьи»⁶. Тем не менее в сложнейших условиях эвакуация шла, и уже 17 октября эшелонам было отправлено около 250 сотрудников университета. По другим сведениям, эвакуационные составы отправлялись 14, 18 и 29 октября – в них выехало до 90 преподавателей и более 700 студентов, было вывезено научное оборудование⁷.

29 октября в результате бомбардировки пострадало здание МГУ на Моховой. Вся страна тогда жила одной судьбой, испытывая тяготы самого тяжелого этапа войны.

Сразу по ослаблении военной угрозы начинались работы по восстановлению учебных занятий там, где занятия прерывались, и по возобновлению их в случае реэвакуации вуза. МГУ им. Ломоносова не эвакуировался полностью. С февраля 1942 г. возобновились учебные занятия на 10 факультетах (в отдельных группах), а в марте даже была создана кафедра марксизма-ленинизма, также начавшая реализацию учебного плана. При этом весь коллектив, отказавшись от каникул в 1942-м г., работал на трудовом фронте – на строительстве оборонительных рубежей⁸.

С 1943 г. в Москве преподавание шло обычным порядком, хотя и в военных условиях. В апреле было вынесено решение о реэвакуации МГУ из Свердловска в Москву и к 1 декабря 1943 г. в университете числился уже 4161 студент⁹. Наркомат просвещения выпустил специальные распоряжения о порядке и сроках ведения занятий; университет сносился с наркоматом обороны по всем вопросам мобилизации, постоянными были медицинские комиссии и призыв в ряды РККА новых категорий обучающихся. МГУ военных лет, как видно из списков студенческого контингента, был «женским вузом», в 1944 г. ситуация начала постепенно меняться. Но учёба и, как показывают материалы вузовского делопроизводства, все процессы управления шли своим чередом.

В сложную военную пору московскую часть МГУ последовательно возглавляли А.С. Бутягин (1941, 1943; в ночь на 16 октября 1941 года, во время паники в Москве, он бежал из города, оставив свои обязанности¹⁰), профессор Б.П. Орлов (1941–1942; взял на себя обязанности ректора после бегства Бутягина; занимался организацией эвакуации вуза) и профессор И.С. Галкин (1943–1947 гг.).

7 января 1944 г. коллектив МГУ во исполнение постановления Моссовета от 6 января приказом проректора В.В. Азарова был направлен на

---

⁶ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова в годы войны // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://war.history.msu.tilda.ws> (Дата обращения: 28.08.2023 г.)

⁷ Московский университет за пятьдесят лет советской власти / под ред. акад. И.Г. Петровского. М., 1967. С. 100.

⁸ Там же. С. 102.

⁹ Там же. С. 108.

¹⁰ *Сорокин В.В.* По Москве исторической / под общ. ред. В. Б. Муравьева. М., 2006. С. 439.

очистку от снега «участков мостовых и панелей, доведя их до летнего состояния». Приказ предписывал приступить к работе немедленно и выполнить её в течение суток; предлагал выделить на нее не менее 10 % списочного состава коллективов факультетов и возлагал ответственность за выполнение на определённых приказом по МГУ от 29 декабря 1943 г. Вероятно, исполнительская дисциплина даже военного времени не была идеальной, поскольку приказ грозил санкциями со стороны Мосинспекции и милиции и сулил не выполнивших его направить на общие работы по Москве уже на трое суток¹¹.

К той же мобилизационной практике прибегли и весной, когда требовалось очистить территорию: было решено с 26 по 30 апреля 1944 г. «ежедневно выделять на уборку территории МГУ 20 человек», а проректор по АХЧ требовал ежедневно докладывать ему о ходе работ¹². Мобилизации в данном случае подлежали отнюдь не студенты или преподаватели – им надлежало продолжать учебный процесс, а сотрудники служб и управлений университета, не исключая и служащих ректората. К работе нужно было приступать ежедневно в 9:00, под роспись в листе явки.

Разного рода мобилизации были неотъемлемым атрибутом военного времени. Так, 7 июля 1944 г. МГУ на основании постановления Совнаркома и указаний Комитета по делам высшей школы был обязан мобилизовать дополнительно 600 студентов на сельскохозяйственные работы с 20 июля по 5 сентября. Сама стилистика мобилизации была довольно жёсткой: на факультетах должны были получить паспорта студентов и передать их в райисполком¹³.

Приказом от 16 июня 1944 г. утверждался даже «план использования студентов на время летнего периода с 17.VI по 2.IX.1944». Приказ принимал во внимание состояние здоровья студентов в определении конкретного вида работ (заготовка дров признавалась самым тяжёлым из видов работ)¹⁴.

Осенью 1944 г. ректорат подводил итоги мобилизационных работ, констатируя, что «в период июля–сентября свыше 1000 студентов Университета были мобилизованы на трудовые работы. В героические дни Великой Отечественной войны студенческий коллектив на различных участках трудового фронта, заготовке дров для г. Москвы, сельхоз работах, строительстве Московского университета показал образцы самоотверженного труда...»¹⁵. Благодарность была объявлена свыше 120 студентам и сотрудникам МГУ.

Обеспечение студентов сносными условиями проживания было безусловным приоритетом вуза. К осени 1944 г. университету принадлежали два основных общежития: Тимирязевское и на Стромынке, 32. Общежития

---

¹¹ Архив Московского государственного университета (далее – Архив МГУ). Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 69. Л. 122

¹² Там же. Л. 59–61.

¹³ Там же. Д. 64. Л. 26.

¹⁴ Там же. Л. 175.

¹⁵ Там же. Д. 67. Л. 150.

были плотно заселены: например, в Тимирязевском после поселения начала учебного года закреплялось 540 мест, специальные места выделялись инвалидам войны¹⁶. В комнатах размещалось до 17 человек. При этом на общежития МГУ рассчитывали и другие учебные заведения столицы: в ноябре 1944 г. МГУ предоставил 100 мест для вселения студентов Московского пединститута им. В.И. Ленина¹⁷.

Студенты во все времена одинаковы, но санкции военного времени за проступки и бытовые оплошности были серьёзными: в январе 1944 г. в студенческой комнате Пушкинского студгородка из-за самовольно установленной печки (вероятно буржуйки) из-за выпавших углей произошёл пожар. Это вызвало не только проверку пожарной безопасности всего городка, но и «передачу дела о пожаре прокурору», при том что ремонт комнаты провинившийся студент должен был выполнить за свой счёт¹⁸. Тогда же в январе 1944 г. проректор по АХЧ специальным приказом обновил режимы пребывания в помещениях университета (не позднее 20.00), обязал ответственных по факультетам, лабораториям, расквартированным в университетских помещениях, обязательно запирать двери, следить за водными кранами и выключением света. После 22:00 в университетском здании на Моховой могли оставаться лишь дежурные команды МПВО¹⁹. В конце февраля, установив «колоссальный перерасход электроэнергии», установили особый режим контроля за расходом электроэнергии²⁰.

Даже в военную пору МГУ оставался огромным хозяйствующим механизмом, действующим в том числе и на принципах инициативного самообеспечения. Так, университету был передан в попечение подмосковный совхоз «Красновидово» и в разные сезоны выращенное в нём поступало в качестве столь необходимого в военную пору продовольствия в комбинат питания университета. Студенты и сотрудники университета регулярно направлялись на работы в совхоз, им устанавливались определённые нормы выработки, при этом администрация университета заботилась о питании и обеспечении таких работников, а также о «поощрении лучших ударников... их премировании» заранее закупленными дефицитными промтоварами: от чулок, носок и трусов до кофточек и полуботинок²¹.

Красновидовский совхоз был важным элементом хозяйственной инфраструктуры университета. Приказ об организации весенней посевной кампании в совхозе занимал 4 листа и определял масштабные задачи. При этом «план посева» в размере 230 га был определён Наркомпросом. Ставилась задача засева фуражных и зерновых культур (с распределением посева по каждой из культур), определялся план по сбору, предполагавший «вырастить не менее 400 тыс. штук доброкачественной капусты и 50 тыс. томатной

¹⁶ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 67. Л. 150. Д. 69. Л. 47.

¹⁷ Там же. Д. 70. Л. 21.

¹⁸ Там же. Д. 69. Л. 109.

¹⁹ Там же. Л. 110.

²⁰ Там же. Л. 41, 96.

²¹ Там же. Л. 68–70.

рассады для полного обеспечения посадок капусты и помидор собственной рассадой». Уже к 15 марта должны были приступить к закладке парников, закупить и починить необходимый сельскохозяйственный инвентарь. Директор совхоза Шабанов к 15 марта должен был отчитаться о готовности к посевной. В апреле наступала пора обучения основам агротехники 185 специально отобранных на факультетах студентов. В самом совхозе к посевной готовили кузницу и электростанцию²².

Порядок и учёт сельхозпродукции были столь строгими, что загруженная в конце сезона в сентябре 1944 г. в Красновидово горохом, помидорами, капустой и салатом университетская машина пришла в Москву с явной недостачей в десятки килограмм: результатом явилось возбуждение юридической службой МГУ уголовного преследования учетчицы²³.

Идти вперёд и развиваться

Военное время не препятствовало расширению инфраструктуры университета. Так, 7 марта 1944 г. состоялось правительственное решение, обязывающее Московский областной педагогический институт «передать Большевскую биологическую станцию Московскому ордена Ленина Государственному университету им. М.В. Ломоносова»²⁴. При этом МГУ должен был обеспечить прохождение на станции практик студентов МОПИ.

Но в военную пору происходило не только присоединение и расширение инфраструктуры. В октябре 1944 г. состоялось заседание, его итогом стало принятое ВКВШ и Наркомпроса решение о преобразовании факультета международных отношений в самостоятельный Институт международных отношений (ныне всем известный МГИМО). Приказом по МГУ от 13 ноября 1944 г. создавалась передаточная комиссия: передаче подлежали студенты с соответствующими делами по учебной части, а также штат преподавателей и сотрудников. Передавались библиотека факультета, а также фонд из 200 мест в общежитии Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева, занимаемый до этих пор студентами МГУ. В тот момент на двух курсах факультета обучалось 429 человек и работал штат преподавателей и лаборантов, составлявший 56 человек, 19 сотрудников деканата во главе с деканом И.Л. Удальцовым и технический персонал²⁵.

Военное время стало периодом масштабного трудоустройства в университет. В том числе его усиления за счёт привлечения по совместительству или перехода в штат учёных из Академии наук СССР. При этом приём на работу происходил не только в начале учебного года. Так, в декабре 1944 г. в университет трудоустроивались сразу пять докторов наук, в их числе

²² Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 70. Л. 117.

²³ Там же. Д. 69. Л. 57.

²⁴ Там же. Д. 70. Л. 126.

²⁵ Там же. Д. 67 а. Л. 170–182.

Б.А. Рыбаков²⁶. С января 1944 г. на штатные должности в МГУ были переведены будущие академики Е.А. Косминский и М.Н. Тихомиров²⁷. В августе 1944 г. в университет на должность профессора кафедры оптики был приглашён академик С.И. Вавилов, кафедры атомного ядра – академик И.В. Курчатов²⁸.

Порядок занятий, режим

Наркомпрос чётко регламентировал работу сети вузов, и даже в военное время систематизировал и анализировал предпринимаемые меры. В 1943 и 1944 гг. правительством принят был ряд постановлений, направленных на дальнейшее укрепление и развитие дела народного образования в стране», об этом свидетельствовал и прирост бюджета в 1944 г. на 45 %²⁹. Построение учебного года в военных условиях, по крайней мере в 1944 г., также несколько отличалось от современного: первый семестр начинался со 2 октября и продолжался до 31 января 1945 г.; экзаменационная сессия шла с 1 по 20 февраля, и после коротких каникул с 1 марта стартовал второй семестр, продолжавшийся до 16 июня³⁰.

Отдельное внимание Комитетом по делам высшей школы и ректоратом уделялось работе аспирантуры; план приёма в неё составлял 175 человек. В октябре 1944 г. ее эффективность была признана самой слабой на истфаке и философском факультете. Из четырёх отчисленных аспирантов трое приходились на истфак и кафедру марксизма-ленинизма! Приказ, разбирающий все недостатки подготовки аспирантов и устанавливающий особую ответственность руководителей, заведующих кафедрами и деканатов занял четыре листа машинописи³¹.

Приём в университет был строго регламентирован Всесоюзным комитетом по делам высшей школы. МГУ было разрешено произвести набор 1560 студентов. По окончании основного приёма, вероятно, по ходатайству ректората, план приёма был увеличен на 120 человек, распределённых между юридическим (10), философским (10), химическим (10), биологическим (30), филологическим (40) и историческим (20) факультетами³².

Разумеется, в военную пору проводилась всеобщая военная подготовка обучающихся по четырём профилям: пехота (мужчины всех факультетов за исключением физмата, геолого-почвенного, химического и физиче-

²⁶ Там же. Л. 65–66.

²⁷ Там же. Л. 17.

²⁸ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 67а. Л. 157.

²⁹ Народное образование в РСФСР в 1944 году. Отчет народного комиссариата просвещения РСФСР. М., 1945. С. 3.

³⁰ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 67. Л. 105.

³¹ Там же. Л. 90.

³² Там же. Л. 91.

ского); медсестры (женщины-студенты всех факультетов, кроме исключений); артиллерия (студенты мехмата, геолого-почвенного, химического); связь (студенты физического факультета)³³.

Примечательно, что именно в военный период было принято решение Наркомпроса о сокращении сроков обучения на ряде факультетов. Так, с апреля 1944 г. обучение на историческом, филологическом, экономическом, юридическом, географическом, факультетах журналистики и международных отношений устанавливался в 4 года (исключением было направление «Восточные языки и литература»), на остальных – 5 лет³⁴.

Дисциплина и порядок, строгое соблюдение служебных обязанностей были характерными чертами милитаризации общества, всех практик и порядков, в том числе ведомственных и корпоративных (университетского в частности). Даже опоздания преподавателей могли повлечь серьёзные дисциплинарные последствия вплоть до увольнения с сопутствующим снятием с социального обеспечения. Так, в летнюю сессию 1944 г. доцент А.Ф. Иващенко опоздал на экзамен на полтора часа, а известный историк (тогда доцент) Б.Б. Кафенгауз не пришёл вовсе, перепутав расписание. Обоим вынесли выговор ввиду того, что нарушение было единичным и произошло вследствие путаницы / невнимательности³⁵. В то же время дело ушедшего за полчаса до окончания рабочего дня университетского дворника после его увольнения ещё и было передано в суд «согласно Указу от 26.VI. 1940 г.» (т. е. по основанию отнюдь не военного времени)³⁶.

Праздники военного времени

В военную пору руководство университета не забывало и о моральном поощрении коллектива. Государственные праздники даже не становясь выходными, являлись достойными празднования и чествования отличившихся. 23 февраля вышел приказ по университету с такими формулировками: «Московский ордена Ленина Государственный университет им. М.В. Ломоносова вместе с Великим Советским народом, с чувством глубочайшей любви и энтузиазма приветствует доблестную Красную армию, героически борющуюся за честь, свободу и независимость нашего отечества, в день её славного 26-летия. В день 26-й годовщины Красной армии за образцовое выполнение оборонных заданий» объявлялась благодарность и премия 6 преподавателям и сотруднику, а также «118 товарищам, работавшим под их руководством». Отдельно поощрялись лучшие доноры и бойцы МПВО и члены Комиссии по оказанию помощи семьям фронтовиков. Приказ завершался примечательной резолюцией: «Да здравствует Великий Советский народ, его героическая Красная армия и Военно-морской флот, упорно изгоняющие немецко-фашистских извергов из пределов нашей Родины! Смерть

---

³³ Там же. Л. 88.

³⁴ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 67. Л. 71–71 об.

³⁵ Там же. Д. 64. Л. 25.

³⁶ Там же. Л. 36.

немецким мерзавцам». Как ни странно, но перед подписанием ректор вычеркнул финальную формулу «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина – отдадим все наши силы на помощь фронту!»³⁷.

Не меньшего внимания был удостоен коллектив и в Международный женский день 8 марта. Приказ ректора, изданный в этот день объявлял благодарность и премировал «лучших женщин университета» по всем факультетам и подразделениям. Приказ также содержал значимую преамбулу: «Третий год Международный Женский день – 8 марта советские женщины отмечают в условиях ожесточенной Великой отечественной войны. В этом году наступление Красной армии сопровождается все новыми и новыми историческими победами. Красная армия гонит захватчиков с нашей родной земли, создавая тем самым нормальные условия для работы тыла. Советская женщина плечом к плечу с бойцами на фронтах отстаивает честь и независимость нашей Родины, она героически трудится в тылу в помощь фронту. Женщины Московского университета с первых дней войны проявили патриотизм к Родине. Многие студентки сменили учебу и книги на борьбу, на защиту отечества и вместе с другими воспитанниками университета с оружием в руках отстаивали честь нашей Родины...»³⁸.

Смоленский пединститут: трудное восстановление

За период оккупации было уничтожено 5 из 6 общежитий, обсерватория и биологическая станция значительно разрушено учебное здание СГПИ. Через месяц после освобождения от оккупации Смоленской области Совнарком принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства города Смоленска», предусматривавшее возобновление с 1 января 1944 г. деятельности пединститута с установленным в 500 человек числом обучающихся. Решение это не было выполнено по объективным обстоятельствам, также как и возобновление занятий в 1944 г. Весь год ушёл на поиски ресурсов для реализации партийных и ведомственных решений о восстановлении СГПИ. Так, 7 марта 1944 г. Наркомпрос принял постановление № 163 «О неотложных нуждах по восстановлению Смоленского гос. пединститута им. К. Маркса»³⁹.

В результате авианалёта 25–26 июня 1944 г. была сожжена кровля и четвёртый этаж учебного корпуса, нижние этажи получили серьезные повреждения, а сметная стоимость восстановительных работкратно возросла до 2 млн руб. После этого рокового налёта МГУ им. Ломоносова по своей инициативе взял шефство над восстанавливаемым вузом, с января 1945 г. начал передавать ценное оборудование и книги (к формированию книжных фондов подключились также Ивановский и Куйбышевский, Калининский и Вологодский пединституты). Ключевой проблемой оставалась кадровая. Лишь начавшаяся летом 1945 г. демобилизация и возвращение ряда преподавателей и аспирантов сформировала условия для возобновления занятий.

³⁷ Там же. Л. 102.

³⁸ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. МГУ. Д. 64. Л. 125.

³⁹ Народное образование в РСФСР в 1944 году. С. 145.

Летом 1945 г. в работу по восстановлению СГПИ включился Смоленский обком ВКПб. В обширной повестке заседания бюро обкома от 6-9 июня был поставлен вопрос «О восстановлении Смоленского государственного педагогического института». Первый план был амбициозным, он обязывал директора пединститута Соболева объявить и произвести набор 480 человек, из них 270 – на первый курс. Горстройтрест был обязан в два этапа произвести ремонт всех четырёх этажей учебного корпуса, завершив его к 1 октября 1945 г. К 1 сентября в вуз должны были поставить простейшую мебель (500 учебных столов, 1500 табуретов 100 скамеек и т. д.). При этом обком «просил ЦК ВКПб обязать Наркомпрос РСФСР» направить в СГПИ всех его преподавателей, командировать на работу недостающие кадры, выделить оборудование и большое количество матрацев и постельного белья⁴⁰.

Торжественный акт возобновления деятельности СГПИ состоялся 17 сентября, а первые занятия начались только 29 октября 1945 г. Они шли в три смены, поскольку на 19 сформированных групп имелось лишь 5 аудиторий. Зимой 1946 г. удалось ввести ещё 3 учебных комнаты и занятия стали двухсменными. Полное восстановление учебного корпуса растянулось на пять лет. Первые занятия шли в здании без крыши, в неотапливаемых помещениях, при отсутствии света – большинство разбитых окон было заколочено фанерой. Часть занятий проводили в помещениях мединститута. Общежитием служил также учебный корпус, где в 11 аудиториях разместили до 50 человек, вынужденных спать на столах и скамейках. Студентов привлекали на работы по заготовке дров и сельхозработы⁴¹. Контингент значительно увеличился в 1946/47 учебном году, перевалив за тысячу⁴².

Сейчас очевидно, что восстановление страны, её образовательной, в частности вузовской, инфраструктуры стало возможно благодаря огромным усилиям коллегивов вузов, трудовому энтузиазму и ответственности, жертвенности и самоотдаче администраторов, педагогов и студентов, ставших «единым восстановительным фронтом», обеспечившим ещё одну победу – победу в деле восстановления университетских центров после войны. Открытия вузов, проведённые в сложнейших условиях, первые наборы решали ключевую социальную задачу – социализации, формирования профессиональных и карьерных траекторий многих фронтовиков, составивших поколение послевоенных преподавателей, а в конечном итоге – советскую университетскую интеллигенцию второй половины XX в. Восстановление «университетов победы» проходило в обстановке острого дефицита ресурсов, но не сопровождалось ведомственной борьбой и затягиванием трудно разрешимых вопросов: высокая консолидация общества стала одним из решающих факторов скорого восстановления страны и её образовательных центров.

---

⁴⁰ Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1762. Л. 23.

⁴¹ Там же. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 64. Л. 45-47, 52-62.

⁴² Смоленский государственный педагогический институт имени К. Маркса. С. 65-67.

Об авторе:

КАИЛЬ Максим Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой, кафедра истории России, Смоленский государственный университет (214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4), e-mail: mvkail@mail.ru, orcid.org/0000-0002-2635-5091

UNIVERSITIES OF THE GREAT WAR. SOCIAL HISTORY OF MOSCOW STATE UNIVERSITY AND SMOLENSK PEDAGOGICAL INSTITUTE ON THE PATHS OF VICTORY 1944-1945

M.V. Kail'

Smolensk State University,
Smolensk, Russia

The article is devoted to the reconstruction based on the materials of the MSU Archive of the social realities of the activities of the main university of the Soviet Union – Lomonosov Moscow State University in the period after the return of the university from evacuation to Ashgabat and Sverdlovsk (1944-1945), as well as the regional educational center – Smolensk State Pedagogical Institute, which became sponsored by MSU. The plot focuses on the restart of the university on the way to the great victory, the solution of infrastructural and social issues, the regime and order of activity, the social characteristics of the structures of the university center, the students of the wartime, as well as the participation of MSU in the reconstruction of sponsored universities. The social history of the educational center in the circumstances of an unprecedented war is another facet in the study and understanding of the significance of the Great Patriotic War in national history, the history of higher education..

Keywords: *The Great Patriotic War, Lomonosov Moscow State University, Smolensk Pedagogical Institute, higher education, social history, teachers, personnel, management*

About the author:

KAIL' Maksim Vladimirovich – Candidate of History, head of Russian history department, Smolensk state University (214000, Smolensk Przheval'skogo st., 4), mvkail@mail.ru, orcid.org/0000-0002-2635-5091

Статья поступила в редакцию 15.08.2023 г.

Подписана в печать 15.11.2023 г.